

АКТУАЛЬНЫЕ
ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОСТИ

Книга II

Studia Philologica

АКТУАЛЬНЫЕ
ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОСТИ

Книга II

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2015

УДК 39
ББК 63.5
А 43

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»*

Ответственный редактор:
д. филол. н. Г. П. Нецименко

Редколлегия:
Г. П. Нецименко, Св. Чмейркова, А. Ф. Журавлев,
М. Н. Кузьмин, Г. П. Пилипенко, Е. Ф. Тарасов, В. А. Дыбо,
М. М. Алексеева, Д. Ю. Анисимова

А 43   Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга II. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. — 376 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9905759-8-1

Аннотируемая книга сохраняет полную тематическую и теоретико-методологическую преемственность по отношению к недавно опубликованной первой книге, вышедшей в издательстве «Языки славянских культур».

Обе книги являются составной частью единого проекта «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности», являющегося пятой публикацией международного авторского коллектива, разрабатывающего остро актуальные проблемы современного многополярного мира. В отличие от первой книги, здесь ставится акцент на вопросах межэтнических, межкультурных и межъязыковых взаимоотношений, этнокультурной и этноязыковой ситуации, этнической самоидентификации, интерференции и билингвизма.

В преемственности с предыдущими интердисциплинарными, комплексными исследованиями авторы монографии уделяют внимание и изучению роли новых информационных технологий во внутриэтнической и межэтнической коммуникации.

Впервые в исследовательское поле вводится анализ опыта создания общеславянского литературного (культурного) языка, а также региональных культурных языков межэтнического общения.

Книга знакомит читателя с новой трактовкой фундаментальных теоретико-методологических вопросов, а также возможными путями их решения.

Исследование предназначается для филологов, культурологов, историков, этнологов, политологов, дипломатов.

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9905759-8-1

9 785990 575981 >

УДК 39
ББК 63.5

© Издательство «Рукописные памятники Древней Руси», 2015
© Авторы, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

III. Внутриэтническая языковая ситуация. Диалекты, проблема их этноязыковой и этнокультурной сохранности

<i>Ананьева Н. Е.</i> Островной польский диалект.	9
<i>Серочук Е.</i> Языковая ситуация польской деревни начала XXI века	19
<i>Чижмарова Л.</i> Диалекты юго-западной Моравии — их развитие во второй половине XX века.	37
<i>Алексеева М. М.</i> Лемки-переселенцы в Польше: этническое самосознание и языковая ориентация.	59

IV. Специфика языковой ситуации в полиэтничном социуме. Проблема многоязыкового и межкультурного взаимодействия этносов

<i>Плотникова А. А.</i> Градищанские хорваты: этнокультурная традиция в прошлом и настоящем	74
<i>Узенёва Е. С.</i> Язык и культура старообрядцев Болгарии в эпоху глобализации	90
<i>Патраш В.</i> О языковой ситуации в словацких еврорегионах	99
<i>Грень З.</i> Этнолингвистические процессы на чешско-польском языковом пограничье	113
<i>Дубичинский В. В.</i> Двуязычие versus одноязычие в многоязычной Украине: региональный подход	128
<i>Дыбо В. А.</i> Язык — этнос — археологическая культура (северо-западная группа индоевропейских языков с точки зрения акцентологии)	138
<i>Ващенко Д. Ю.</i> Некоторые аспекты языковой ситуации на словацко-венгерском пограничье	194

<i>Багдасаров А. Р.</i> Социолингвистический аспект функционирования синонимов «свой/чужой» в хорватской прессе	212
---	-----

<i>Балек А.</i> Каким нам видится будущее Европы в рамках процесса реструктуризации мира	220
--	-----

<i>Пилипенко Г. П.</i> Некоторые особенности билингвальных языковых ситуаций (на примере языковой ситуации воеводинских и прекурских венгров)	236
--	-----

V. Новые информационные технологии и их роль во внутр этнической и меж этнической коммуникации

<i>Гоффманнова Я.</i> Устный чешский язык в зеркале «письменного общения» в чате	259
--	-----

<i>Йилкова Л.</i> Цыганский лагерь в Летах в исторических текстах и текстах сети Интернет	278
---	-----

<i>Бергер Т.</i> Искусственные славянские языки в интернете	296
--	-----

VI. Опыт создания общеславянского литературного (культурного) языка, а также региональных культурных языков меж этнического общения

<i>Верецагин Е. М.</i> Конфессионально-православная составляющая современного русского литературного языка: краткий общелингвистический очерк	311
--	-----

<i>Лифанов К. В.</i> Кодификация С. Цамбела как рубеж в развитии словацкого литературного языка	338
---	-----

<i>Запольская Н. Н.</i> Slavia slavonica в пространстве и времени культуры	354
--	-----

<i>Людоговский Ф. Б.</i> Церковнославянский язык в России, Украине и Белоруссии: конвергентные и дивергентные процессы в эпоху цифровых технологий.	364
--	-----

III

ВНУТРИЭТНИЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ. ДИАЛЕКТЫ, ПРОБЛЕМА ИХ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СОХРАННОСТИ

*Ананьева Н. Е.
(Россия, Москва)*

ОСТРОВНОЙ ПОЛЬСКИЙ ДИАЛЕКТ

Островной польский диалект дер. Вершина Боханского района Усть-Ордынского Бурятского автономного округа Иркутской области представляет собой континуацию материнского диалектного идиома, функционирующего в малопольском и силезском регионах. В рамках столыпинской реформы весной 1910 г., в основном из шахтерских районов Силезии (Домбровского бассейна) и граничащей с ней Малой Польши, в Сибирь отправились первые польские переселенцы. Причиной переселения поляков явился экономический кризис, охвативший Домбровский бассейн в 1905—1907 гг. Предварительно на разведку, для подыскания подходящих мест для проживания, в Сибирь отправлялись так называемые ходоки. Вершининский летописец Валентин Петшик, автор книги «Маленькая Польша в таежной Сибири», называет имена этих первопроходцев: Томаш Лабуда, Антон Петшик и Михал Фасинский. Выехавшие из Домбровского бассейна в Иркутск 56 делегатов, включая трех ходоков, выбрали для проживания 450 семей «Трубачевский участок Осинской, позднее Тихоновской, волости Балаганского уезда Иркутской области», позднее переименованный в Вершинино, а с 20-х годов — в Вершину [Петшик 2008: 8]. В мае 1910 г. в Сибирь отправились первые 59 польских семей, с которых началась история современного села. Каждой семье выделялось 15 десятин земли, что было целым богатством для переселенцев, не имевших таких обширных земельных наделов в Польше. В 1911 г. здесь появляется польская школа, просуществовавшая до 1937 г., а в 1912 г. открывается костел (был закрыт с 1933 г. по 1992 г.). Новые польские семьи приезжают в Вершинино в 1918 г. До Второй мировой войны население имело этнически однородный характер. После 1945 г. национальный состав жителей села приобретает смешанный характер, начинают заключаться смешанные, как правило, межславянские браки (русско-польские, польско-украинские). Тем не менее преобладающим остается польское население, которое в повседневной жизни общается между собой на местном польском диалекте. В настоящее время полоноязычное население насчитывает приблизительно 250 чел.

Если межславянские браки в последнее время заключаются все чаще, причем в смешанных польско-русских семьях часто переходят

на русский язык, то буряты воспринимаются поляками как носители далекой и чуждой им культуры, что отражено в высказываниях типа *Burat a v'il'k to samo, surove m'iso ji co v'il'k, v m'exax Hozum, a pšov'ijf škurax, Burat rob'ić* (=работать) *ńe l'ub'i*. В Вершине в настоящее время проживает только одна бурятская семья.

В 90-е гг. XX в., в новых социально-исторических условиях, в Вершине наступило определенное возрождение интереса жителей села к своему прошлому, оживление связей с метрополией. Ярким проявлением такого интереса к истории родного села и судьбам его жителей является уже упомянутая выше книга Я. Петшика, агронома по профессии, историка-краеведа и коллекционера по призванию [Петшик 2008].

Укрепление культурных отношений с исторической родиной проявляется, в частности, в направлении на учебу в Польшу молодых вершинян. Спектр профессий, приобретаемых в польских учебных заведениях, весьма широк: от парикмахера (например, в семье Даниленко) до преподавателя (учитель польского языка Людмила Вежинтас). Вообще Людмила Фигура (в замужестве Вежинтас) была первым жителем Вершины, получившим образование в Польше. Окончив в 1995 г. польское отделение филологического факультета Гданьского университета и защитив дипломную работу под названием «Деревня Вершина. Из культурологической проблематики польских жителей Сибири» [Figura 2003], она не осталась в Польше, а вернулась в родное село, где не только преподает польский язык, но и занимается активной культурно-просветительской деятельностью в созданном при ее участии Польском доме, способствует установлению тесных связей между Вершиной и Гданьским университетом. Сохранению и усилению национального самосознания способствует и действующий в селе хоровой ансамбль, исполняющий польские песни, и мероприятия, проводимые Польским домом. 10 июля 2010 г. село торжественно отметило свое столетие. На празднике, посвященном столь знаменательной дате, присутствовали многочисленные гости и официальные лица из Польши, Москвы, Улан-Удэ.

Для путешествующих по Сибири поляков дер. Вершина превратилась в своего рода туристический объект, своеобразный скансен, который обязательно следует посетить. Впечатлениям от поездки в Вершину посвящено немало польских публикаций, например [Nowicka 2000; Łabieniec 2003].

Поскольку современное взрослое польское население не ходило в польскую школу, оно не владеет письменным вариантом польского языка, т. е. не только не умеет писать по-польски, но и в боль-

шинстве случаев и читать в латинской графике. Поэтому польские тексты, бытующие среди вершинян (польские песни в песенниках, записываемые участниками польского ансамбля, молитвы), написаны на кириллице. Так, в раздаваемом прихожанам во время литургии в местном костеле сборнике молитв большая часть напечатана на кириллице и лишь незначительная — на латинице. При этом отдельным польским знакам (звукам) могут соответствовать в кириллической записи разные знаки. Так, польск. *sz* может передаваться как *ти* и как *ч* (*Як была на потшонтку; Ойтише хвала Тобе; Боже Ойче з чыстым сэрцэм кохам Тчебе*). Но *ти* может передавать, наряду с диграфом *тч* (ср. *Тчебе*), также звук *с* (т. е. соответствовать польским знакам *si* и *ś*: *мэ житише складам Тобе*). Хотя чаще всего *с* передается кириллическим *ч* (как и *sz*): *зложыч Найсьвентишо Офяре; брача и сёстры; Хвала на высокосьчи Богу; допровадзи нас до жычя вечнего; Хвалимы Че, Вельбимы Че. Выславямы Че*. Носовые *ę* и *ą* передаются сочетаниями *е* и *о* с *н* в середине слова (перед согласным), сочетанием *о* с *м* на конце слова (*ą*) и буквой *е* на конце слова для *ę*. Примеры: *Богу нех бендам дзенки; благам Найсьвентишом; Буг вшехмогонцы; Мудльмы се; Хвалимы Че; Нех Пан пшыёме офяре з ронк твоих*.

Кириллические надписи на русском языке преобладают на надгробиях поляков на местном кладбище. Так, из 146 захоронений всего на 17 надписи сделаны на польском языке латиницей. При этом обычный вариант — русская трехкомпонентная модель антропонима: имя, отчество, фамилия. Отчество, как правило, русифицировано. Ср.: *Куцек Антон Степанович, Масленг Адам Иванович, Масленг Франтишка Андреевна, Мычко Магдалина Осиповна*. Встречаются также отчества с сохранением польской именной основы (*Якубовна*, а не *Яковлевна, Томашевна*, а не *Фоминична, Станиславович*). Варианты в латинице чаще всего сохраняют польскую двухкомпонентность антропонимической формулы: имя, фамилия (*Wacława Strokosz*). Только один раз отмечено отчество в польской надписи на старом кресте: *Kania Anelia Janowna*.

Функцию русифицированного отчества в польских надписях нередко выполняют сочетания слов *córka* «дочь» и *syn* «сын» с именем отца: *Anela Pietrzyk (Curka (с u вместо ó) Walen-go, т. е. Walentego); Jan Pietrzyk, Syn Tomasza*. При этом на надгробиях, относящихся к одной и той же семье, могут быть и русские трехкомпонентные структуры, и польские биномы. Ср. *Митренга Виктория Владимировна, Митренга Артем Александрович, Митренга Станислав Станиславович* и *Mitrega Władyzław (с z вместо s)*.

В некоторых надгробных антропонимах отражены фонетические особенности вершинского диалекта, например мазурение: *Racek Leonora* ~ ср. надпись на русском языке: *Рачек Павел Иванович*.

Говор переселенцев из малопольско-силезского региона сохраняет яркие особенности материнского диалекта.

Перечислим некоторые из этих черт, характерных для южной и юго-западной части польского диалектного континуума.

1. *o* на месте континуанта *ā (при этом возможны разнообразные аналогические обобщения);

Примеры: *dovńij* 'dawniej', *dl'o nos* 'dla nas', *ob'ot* 'obiad', *śńodańe* 'śniadanie', *jo* 'ja', *kšok* 'krzak', *za pore l'ot* 'za parę lat', *žel'oska* 'żelazko', *p'ecork'i* 'pieczarki', *roz* 'raz', *zapouka* 'zapałka', *ćostko* 'ciastko', *pokozać* 'pokazać', *s kv'joteckuf* 'z kwiateczków', *burokam'i* 'burakami', *burok* 'burak', *b'jouy* 'biały', *l'ecyl'i trovam'i* 'trawami', *pol'i s'e* 'pali się', *kozok'i* 'kozaki' (сорт грибов), *poXńe* 'pachnie', *zaro* 'zaraz', *pokoże* 'pokaże' и т. д. Это фонетическое явление имеет морфологические и словообразовательные последствия, обуславливая высокую частотность *o*-содержащих флексий и аффиксов.

Ср. 1 л. ед. ч. наст. вр.: *čšyтом to* 'trzymam to', *zb'іrom* 'zbieram', *rušom* 'ruszam', *vyb'іrom* 'wybieram';

3 л. ед. ч. наст. вр.: *byво* 'bywa';

1 л. мн. ч. наст. вр.: *my s'e fsp'inomy* 'wspinamy się';

2 л. мн. ч. наст. вр.: *vy zażyноće* 'zarzynacie', *m'eškoće* 'mieszkacie';

2 л. мн.ч. императива: *pocekojс'e* 'poczekajcie';

прош. вр.: 1 л. ед. ч. — 3 л. ед. ч. м. р. *Jo x'оу* 'ja chciał, литер. *chciałem*', *cyтоу* 'czytał', *zноу* 'znał';

1 л. ед. ч. — 3 л. ед. ч. ж.р. *byуо* 'była';

Им. ед. ч. ж. р. прилагат. *tako b'ida* 'taka bieda', *z'iko fša* 'dzika wesz' (название растения);

субстантивные аффиксы: *gospodoże* 'gospodarze'; *krupńok* 'krupniak', *pńok* 'pniak', *Sojino* (женская фамилия с суффиксом *-ino*, образуемая от фамилии мужа — *Soja*).

2. *u* на месте континуанта *ō* (а также вследствие различных аналогических процессов) и на месте *o* перед носовыми согласными.

Примеры: *un* 'on', *uny* 'oni; one', *pumoge* 'pomogę', *pumożeš* 'pomóżesz', *pumoc* 'pomoc', *kurunki* 'koronki', *nie fspumne* 'nie wspomnę', *na tamtej struńe* 'na tamtej stronie', *fkuńcu* 'w końcu', *dum* 'dom', *v mojim dumu* 'w moim domu', *do dumu* 'do domu', *makarun* 'makaron', *maćežunka* 'macierzanka', *z'el'uny* 'zielony', *broу kuńi* 'brał koni' и мн. др. «Уканье» имеет также существенные последствия для

морфологической и словообразовательной диалектных подсистем. Например, функционирование глагольного суффикса *-uwać*: *zrychtuwać* ‘zrychtować’, *rozwaŋkuwać* ‘rozwałkować’. Следствием сужения *o* (из *ā*) перед носовым консонантом являются местоименные формы типа *vum* ‘wam’ и глагольные формы типа *tum* ‘tam’, *tumy* ‘tamy’, *otprov’adum* ‘odpowiadam’. Формы с *-um* в 1 л. ед. ч. презенса глаголов на *-ać* являются даже более частотными, чем формы на *-om*. Ср. Д. мн. сущ. *-um*: *z’écum* ‘dzieciom’. Возможно, что спорадические флексии Род. ед. *-u* в существительных ср. р. типа *do prańu*, *od dawl’ėnu* (русизм) также являются следствием изменения *o* ($\leq \bar{a}$) в *u* (в случае *od dawl’ėnu* действует функционирующий в говоре структурный образец-модель).

3. *i/y* на месте *ē* (также вследствие различных аналогий) и как «суженный» континуант *e* перед носовыми консонантами.

Примеры: *kob’itka* ‘kobietka’, *zb’irom* ‘zbieram’, *zb’ira* ‘zbiera’, *v’im* ‘wiem’, *odyjm’e* ‘odejmie’, *tyñ* ‘ten’, *tyś* ‘też’, *šyrša* ‘szersza’, *gżeb’iñ* ‘grzebieñ’, *v’irx* ‘wierzch’, *jicc’e* ‘jedzcie’, *s’v’iže* ‘świeże’, *dop’iro p’ic* ‘dopiero piec’, *p’iršy* ‘pierwszy’. Возможно, что следствием сужения *e* перед носовым согласным являются флексии *-umy* / *-imy* в 1 л. мн. ч. презенса глаголов, соответствующих общепольским глаголам I спряжения: *pšecesyjimy s’e* ‘przeczesyjemy się’, *žyjimy* ‘żyjemy’, *n’esymy* ‘niesiemy’, *idymy* ‘idziemy’, *b’erymy* ‘bierzemy’, *mogymy* (наряду с *mogemy*) и т. п. Об отсутствии чередований в указанных глаголах (кроме первых двух) см. ниже.

С другой стороны, формы типа *sazemy* ‘sadzimy’, *płacemy* ‘płacimy’, *navrezemy* ‘nawredzimy’ (русизм — *навредить*) свидетельствуют, казалось бы, и о противоположном процессе (расширении *i* перед носовым согласным). Однако поскольку такое «расширение» фиксируется только в формах, возникших по аналогии с 1 л. ед. ч. (*saze* ‘sadzę’ → *sazemy*, *nawreze* ‘nawredzę’ → *navrezemy*) и функционирующих наряду с формами на *-umy* (*šezumy*, *hozumy*, *płacumy*), полагаем, что причины, вызвавшие появление такого рода форм, не фонетического, а морфологического характера. Об отсутствии чередований в подобных глаголах подробнее см. ниже.

4. Континуанты носовых гласных, подобно континуантам *ō* и *ē*, представлены «суженными» вариантами: *ǣ (общепольск. *ę*) как *y_sS*, *iS, *yNT*, *iNT (’ перед *i* — показатель мягкости предыдущего согласного, *S* — символ фрикативного, *T* — смычного и аффрикаты, *N* — носового согласного любого места образования); *ā (общепольск. *ą*, письм. *ą*): *ąS*, *uNT*.

Серочук Е.
(Польша, Познань)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ ПОЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

При обсуждении языковой ситуации современной деревни следует отдавать себе отчет в том, что высказываемые аргументы во многом зависят от общих методологических установок в диалектологии. Сложности возникают уже при определении самого предмета исследования. Диалектологу все чаще приходится слышать, что диалектов уже не существует, а диалектные черты в речи современных жителей деревни — это лишь следы прошлого. Внимательное рассмотрение доводов сторонников этой теории ясно показывает, что в значительной степени проблема вызвана нечетким, а порой и различным определением основного понятия — говор.

Проблемы с определением прослеживаются как в энциклопедических изданиях, так и в работах синтетического характера, диалектологических пособиях. В первом случае мы читаем:

Говор — речь сельского населения небольшой территории (нескольких деревень), отличающаяся от общенародного языка и речи соседних регионов определенными чертами, прежде всего в области фонетики и лексики, и входящая в состав более крупной единицы — диалекта [Encyklopedia 1978: 108].

В работах второго типа (имеющих изначально обобщающий характер) находим следующее утверждение:

Предметом диалектологических исследований является говор, под которым понимается речь сельского населения данного региона, выделяющаяся среди других говоров рядом диалектных черт. Диалектной чертой мы считаем каждую фонетическую, фонологическую, грамматическую или лексическую особенность народной речи, отличающую данный говор от других говоров [Dejna 1973: 12].

Тем не менее уже через несколько абзацев читаем:

Диалектология в [...] нашем понимании — это область языковедения, которая, опираясь на диалектологические и филологические данные, выявляет нетипичное для определенной территории развитие фонологических или грамматических элементов [Dejna 1973: 13].

Однако наиболее полное определение понятия *говор* К. Дейна предложил значительно позднее:

Говор — это вариант общенационального (этнического) языка, рассматриваемого в духе структуралистского понятия *langue*, которое понимается нами как созданная и признанная неким языковым сообществом, общая для всех его членов и групп, передаваемая от поколения поколению абстрактная фонологическо-грамматическая система, а вместе с ней ряд правил, согласно которым эта система применяется для создания языковых коммуникатов (текстов) в процессе общения при помощи языковых знаков (слов) [Dejna 1998a: 14].

Позиция К. Дейны здесь чрезвычайно важна, поскольку авторитетный ученый в значительной степени повлиял на диалектологическое сообщество и на отношение других лингвистов к говорам. Во многом убежденность в постепенном исчезновении говоров является следствием принятия этой методологической позиции. Отсутствие «системности», прежде всего системности на фонетико-фонологическом и грамматическом уровнях, приводит к подобным выводам, а косвенным образом влияет и на степень заинтересованности этой научной дисциплиной. Сегодня трудно найти жителя деревни, в чьей речи все системные черты проявлялись бы полностью. О том, как нелегко найти информанта, полностью соответствующего ожиданиям, диалектологи писали уже давно. Во вступлении к «Малому атласу польских говоров» [MAGP], в части, посвященной вопроснику, мы находим несколько общих рекомендаций для исследователей, из которых для нас важнейшим будут следующие:

Информантами могут быть только коренные жители исследуемой деревни (по меньшей мере во втором поколении), проживающие в ней постоянно или же почти постоянно, хорошо и охотно говорящие на говоре, по возможности в самой старой его разновидности [MAGP 1957: LXXXIII].

При обсуждении языковой ситуации современной польской деревни не лишним будет вкратце напомнить о диалектном членении польского этнического массива. Выделение диалектов осуществляется на основании двух черт: мазурения и «озвончающей фонетики». Как известно, в польском языке есть три ряда согласных типа *s, z, c, dz; ś, ź, ć, dź* и *ś, ź, ć, dź*; для мазурения характерно отсутствие третьего ряда. «Межсловная фонетика» — это проявляющееся и в речи интеллигенции озвончение конечного согласного в позиции перед гласным или сонорным согласным, т. е. произношение типа *laz rośnie, brad matki*,

brat ojca противопоставляется произношению *las rośnie, brat matki, brat ojca*. На основании этих изоглосс были выделены основные диалектные группы польского языка: великопольская, мазовецкая, малопольская, силезская и кашубская (в последнее время часто говорят о самостоятельном кашубском языке).

Не вдаваясь в подробности относительно изофоны мазурения, отметим, что эта черта охватывает мазовецкий и малопольский диалекты и северную часть силезского диалекта; озвончающая фонетика характерна для Великопольши, Малопольши и Силезии. Таким образом, на территории Польши согласно последним данным (кашубский был недавно официально признан региональным языком) выделяют четыре диалекта (см. карту в приложении из [Urbańczyk 1984]):

- 1) великопольский — отсутствие мазурения, озвончающая межсловная фонетика;
- 2) мазовецкий — мазурение, отсутствие озвончающей межсловной фонетики;
- 3) малопольский — мазурение, озвончающая межсловная фонетика;
- 4) силезский — частичное мазурение (север) и озвончающая межсловная фонетика.

Для дальнейших рассуждений существенно мнение В. Курашкевича, подытоживающее его детальнейшие изыскания в области исторической диалектологии:

Польский литературный язык в своем историческом развитии объединил языковые тенденции всех главных польский наречий: великопольского, малопольского, мазовецкого и восточного, став тем самым надрегиональным, общенациональным [Kuraszkiewicz 1953: 114].

Утверждение Курашкевича вписывается в несколько более позднюю дискуссию славистического сообщества, касающуюся отношений между диалектами и общенациональным языком. Среди чешских лингвистов особенно бурно протекала дискуссия на тему формирования интердиалекта. Подводя итоги определенному этапу обсуждения, П. Сгалл отмечает:

Процесс объединения национального языка — это не механическое, одностороннее отступление диалектов перед каким-то иным языковым образованием. Следует скорее говорить об одновременном и взаимном исчезновении диалектов, при котором сохраняются элементы, общие для большинства диалектов [...]; в результате этих процессов возникают т.н. интердиалекты, к которым прежние диалекты постепенно приближаются и которым они подчиняются [Sgall 1960: 15].

При таком понимании интердиалекты зависят от степени расхождений между говорами и этническим языком. Там, где различия между этими языковыми вариантами значительны, складываются более благоприятные условия для выделения промежуточной формы.

Появление понятия «интердиалект» в большей степени привлекло внимание исследователей, изучающих актуальное состояние междиалектных отношений или же отношений между говорами и общенациональным языком. В результате дискуссии над этим явлением было выработано несколько методологических подходов. В румынской диалектологии реакцией на предложение Б. Казаку, понимающего под интердиалектом «промежуточную форму коммуникации, занимающую более низкую позицию по сравнению с стандартным языком» [Cazacu 1966: 39], стала позиция С. Джьосу и понятие семидиалекта:

Семидиалект — это не сумма всех диалектных и литературных особенностей. Говорящий, владеющий обеими системами, осуществляет выбор лингвистических фактов. По мере усиления влияния литературного языка диалектные особенности, входящие в состав семидиалекта, исчезают [Marioțeanu, Giosu 1977: 28].

В польской лингвистике изучение аналогичных процессов (особенно в географическом контексте) породило предложение более широкого подхода к этой проблеме. О необходимости говорить уже не только об интердиалектах (или об интерговорах), но и о супрадиалектах (полудиалектах или супраговорах) говорил в свое время С. Гайда [Gajda 1981]. Для наших размышлений, пожалуй, наиболее существенно мнение З. Тополинской:

Под интердиалектом я понимаю систему, возникшую вследствие сознательного отказа от языковых черт, квалифицируемых как диалектные, и овладение чертами, приписываемыми литературному языку, что сопровождается стиранием местных диалектных различий, в результате чего интердиалект становится своего рода шапкой над конкретным диалектным комплексом, шапкой, общей для всего региона, сначала используемой носителями диалекта во время контактов с носителями литературного языка, а впоследствии и при контактах друг с другом [Topolińska 1985: 69].

В приведенных выше высказываниях [подробнее см.: Sierociuk 2002] затрагиваются проблемы, которые необходимо иметь в виду при рассмотрении интересующего нас явления. Из сказанного отчетливо следует [см. также: Rusu 1977: 92], что интердиалект понимается двояко: горизонтально (отношения в географической плоскости как внутри-

диалектное явление) и вертикально (форма, промежуточная между диалектами и общенациональным языком). Во втором случае фактором, существенным для формирования интердиалекта, считается сознательная деятельность значительной группы носителей локального языка — это подчеркивает З. Тополинская, допуская функционирование именно такой структуры. Складывается, однако, впечатление, что это убеждение базируется в большей степени на теоретических заключениях. Опыт полевых исследований убедительно показывает, что невозможно, чтобы вся локальная общность (даже жители одной деревни) говорили одинаково. Язык жителей современной деревни внутренне сильно дифференцирован. Полная его характеристика возможна только при условии, что во внимание принимаются различные факторы; на некоторые из них обращает внимание Г. Нецименко, представляя общую характеристику языковой ситуации в славянских странах [Нецименко 2003: 134—145]. Полевой опыт велит нам рассматривать язык жителей современной деревни как очень сложную структуру, при описании которой необходимо учитывать многие параметры, типичные для социолингвистического метода, но даже существование интердиалектных структур не всеми признается в диалектологической среде:

Принимая во внимание динамику общественно-экономических изменений в современной деревне, все большее сближение деревни и города и, как следствие, введение деревенским сообществом «городских» образцов языкового поведения, можно предположить, что польские говоры будут развиваться в сторону интердиалекта, то есть системы, состоящей из осознаваемых общепольских черт, неосознаваемых диалектных элементов и т. н. третьего качества, т. е. вариантов промежуточных между диалектными и литературными [Kurek 2006: 57].

Если мы хотим должным образом описать языковую ситуацию современной польской деревни, мы обязаны учитывать разнородность процессов, происходящих в этой культурно-языковой среде. Едва ли не важнейшим фактором будет здесь преобразование самого поля наблюдения под внешним воздействием. Само понятие «говор» ассоциируется с деревней, жители которой — в практическом отношении — представляют общество прошлого. Это понятие в значительной степени связано с образом традиционной деревни, деревни, которая сегодня уже практически не существует. Традиционной деревни, жители которой некоторое время назад начали охотно перебираться в города (о языковых процессах в этой группе см. [Kusała 1960]), уже нет. Ведь традиционное сельское хозяйство утратило свое доминиру-

ющее положение — на его место приходит многотоварное хозяйство; мы уже не увидим традиционных занятий, подобным образом кардинальные изменения претерпела повседневная жизнь жителей деревни в результате электрификации и появления канализации. Городские образцы доминируют и в архитектурных решениях — даже если сельский житель живет исключительно за счет сельскохозяйственного труда. Традиционная деревня — как место жизни большей части населения — уходит в прошлое. Все чаще и чаще деревня становится «спальной» для тех, кто работает в городах. Она также становится местом их постоянного проживания [Bański 2006].

Преображение современной деревни вынуждает многие общественные дисциплины изменить свою исследовательскую ориентацию. Это особенно хорошо заметно в социологии, где место традиционной деревни занимают *сельские территории* [Gorlach 2004]. Деревню уже нельзя однозначно рассматривать в отношениях, следующих из традиционной оппозиции типа *город — деревня*. Ведь она все чаще становится местом проживания не только традиционной сельской интеллигенции (учитель, агроном), но и представителей малого (как правило) бизнеса.

Автомобиль — пусть и со значительным опозданием по сравнению с западными государствами, — стал доступным большинству средством индивидуального передвижения, а вызванные его распространением изменения протекают в Польше примерно так же, как и на Западе. Немецкие социологи, обращая внимание на это явление, отмечают:

В начале шестидесятых одновременно с повышением уровня жизни произошло распространение моторизации, что значительно изменило способ функционирования мигрантов [...], которые в большинстве случаев стали ездить на работу в город на личных автомобилях. Число приезжих постоянно росло не только за счет усиливающихся структурных изменений в сельском хозяйстве. Оно росло также и потому, что благодаря автомобилям те, у кого не было земли, могли работать в городе, продолжая жить в деревне, что ограничило процессы депопуляции. У многих деревень, в которых сельское хозяйство постепенно исчезало, но возрастала профессиональная мобильность населения, появилась функция «спальни» для маятниковых мигрантов [Vonderach 2006: 24].

Изменения демографической структуры современной деревни, снижение уровня рабочей монокультуры (сельское хозяйство) несмотря ни на что не приводят к полному стиранию культурных различий, которые естественным образом отражаются в языке. По-прежнему

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОСТИ

КНИГА II

Оператор Е. Зуева
Корректор Е. Сметанникова
Оригинал-макет подготовлен Б. Голишниковым

Подписано в печать 02.02.2015. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 23,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Рукописные памятники Древней Руси»
№ государственной регистрации 1067746430102
Phone: **959-52-60** E-mail: **lrc.phouse@gmail.com**
Site: **<http://www.lrc-press.ru>**, **<http://www.lrc-lib.ru>**

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: **+7 (499) 255-77-57**, e-mail: **gnosis@pochta.ru**
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4